

Т. 2. — М., 1970. 8. История Украинской ССР. В 10-ти т. Т. 6. — К., 1984. 9. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Известия ВЦИК Советов. — 1918. — 19 июля. 10. Лабриола А. Очерки материалистического разумения истории. — К., 1960. 11. Милуков П. Н. Воспоминания. — М., 1991. 12. Пионтковский С. А. Гражданская война в России. 1918—1921. — М., 1925. 13. Полонська-Василенко Н. В. Історія України. В 2-х т. Т. 2. — К., 1992. 14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. — 2-е изд. — М., 1918. — № 10. 15. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. — № 12. 16. Хесин С. С. Становление пролетарской диктатуры в России. — М., 1975. 17. Юрченко О. Українсько-російські стосунки після 1917 р. в правовому аспекті. — Мюнхен, 1971.

А. М. Запорожец, д-р юрид. наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ ПРАВА УКРАИНЫ

Формирование государственности с неизбежностью поставило вопрос о наведении порядка в действующем и предполагаемом к изданию законодательстве Украины, определенном упорядочении всей правовой системы. Нынешний стремительный скачок в законодательстве — объективное явление, однако, как и всякий социальный процесс, предполагает широкое использование субъективного, человеческого фактора. Это позволяет утверждать, что речь идет о двуедином явлении. При его анализе необходимо учитывать данное обстоятельство и на этой основе попытаться наметить пути дальнейшего совершенствования и систематизации законодательства, формирования структуры права.

Для достижения поставленной цели в первую очередь следует определить хотя бы минимальный рабочий инструментарий, посредством которого возможно рациональное научное исследование реального массива нормативного материала. В частности, требуется уяснить, что понимается под структурой, есть ли потребность в этом образовании, либо более точнее исходить из общепостоявшегося положения о системе законодательства. В юридической литературе в последние годы стало складываться утверждение о том, что указанные понятия представляют собой некое комплексное научное положение. В частности, «структуру права можно рассматривать в качестве внутренней формы, а систему законодательства — внешней» [1, с. 58]. Следуя этому суждению и в соответствии с требованиями формальной логики, в самой внутренней форме, как и в системе законодательства, опять-таки необходимо видеть и содержание, и форму. Эту дифференциацию далее можно продолжать и в конечном счете дело закончится абсурдом.

Следовательно, такое утверждение, с одной стороны, не решает

поставленную задачу, а с другой — позволяет говорить, что право необходимо рассматривать как некую самоорганизующуюся систему [13, с. 361], в которой происходят сложные структурные преобразования в ходе ее развития и совершенствования. Как любая система, она формируется и по объективным принципам, одновременно испытывает влияние субъективных факторов структуризации: потребность в определенном законе, его прохождении, принятии и вступлении, реализация в практику, место закона в правовом механизме, дополнение и уточнение, отмена, прекращение действия, последствия его функционирования, непосредственная предопределенность законодательства содержанием государственной деятельности, его служебная роль и зависимость и др. При этом структура включает в себя и систему законодательства, и систему права при непосредственном первенстве первой. На это обстоятельство обратил внимание Знаменский Г. Л., утверждающий, «что система законодательства в не меньшей мере объективна, чем система права, поскольку именно она первой реагирует на прогрессивные структурные изменения в государственной и общественной жизни [5, с. 60—61].

А в общем плане, очевидно, надо согласиться с утверждением Шебанова А. Ф. о том, что «...советские законы и подзаконные нормативно-правовые акты в их совокупности можно представить как гигантскую структурно-сложную, динамическую систему, обусловленную общностью основных принципов, целей, исходных понятий и конструкций и состоящую из большого числа взаимосвязанных звеньев, которые сами представляют самостоятельные, причем тоже сложные правовые системы» [11, с. 33]. Данные системы, безусловно, подчиняются определенным требованиям расщепления нормативного материала на основе факторов системообразования. В юридической литературе на эти обстоятельства обращалось внимание. В частности, И. Сабо таким центральным методом считает инкорпорацию, утверждая, что в случае изменения или дополнения основных частей кодексов или других нормативных актов эти изменения и дополнения включаются в их первоначальный текст [8, с. 172].

Однако такие суждения не оказали существенного влияния на проблемы упорядочения законодательства. Массив законодательства и тогда, и особенно теперь растет необыкновенно высокими темпами, а вопросы его научного распределения практически не решаются. Очевидно, недостаточно обоснованный методический подход не позволил решить поставленные вопросы.

Методология состоит в том, что необходимо на базе основных понятий системного подхода наметить все же пути упорядочения нового, нарождающегося законодательства Украины. Известно, что и после международной конференции ЮНЕСКО в январе

1959 г. не только не сблизились подходы в понимании сущности «системы» и «структуры», а наоборот еще более усложнились. И все же некоторые исследователи отмечали, что, например, в математике и логике понятия «система» и «структура» по существу совпадают. Такой вывод, очевидно, невозможен в отношении права, ибо, как уже было показано, структура — понятие более глобальное и всеобъемлющее, нежели система. Ибо, если система предопределяется лишь внутренним распределением законодательства, структура права представляет собой объективно формируемый макроуровень правовой организации жизни определенного общества, т. е. структура наряду с законодательством включает в себя весь массив иных правовых предписаний, установлений, обычаев, иных правил поведения. В этом плане следует критически подойти и к новейшим исследованиям в данной отрасли. Вряд ли можно согласиться с утверждениями А. П. Коцюбы, что правовая система состоит из таких частей: системы права, системы законодательства, систем законодательной, исполнительной и судебной властей и системы правоохранительных органов [4, с. 11—12]. Думается, что автор проявляет чрезмерно узкий подход в унификации правового массива Украины, тем самым проявляет излишнюю ограниченность и неполноту оценки складывающейся правовой структуры.

В нынешних сложных, противоречивых условиях, когда историческая нить развития государственности обрывается, а новая рождается в муках и страданиях народа, говорить о какой-то четкой правовой структуре очевидно недопустимо, но тем не менее ее контуры следует обозначить и стремиться к их реальному воплощению. Право Украины в общем продолжает свое движение в сложившемся русле. Очевидно, такая тенденция и правомерна, и целесообразна, ибо социальный строй Украины продолжает оставаться неизменным. Вместе с тем в самом его содержании происходят резкие, иногда полярные противопоставления. При этом все же остается стабильной историческая правопреemptивность. Такие резкие колебания усложняют и правотворческую, и саму правоприменительную деятельность. Поэтому и требуется поиск новых форм, методов, средств формирования собственной структуры права. При этом нужно исходить из реального положения, которое складывается. А оно таково, что отрасль законодательства первична, она формируется в зависимости от потребности человеческой деятельности, объективно диктуется ходом социальных и экономических процессов. Ее идеальным, так сказать, условным слепком может быть отрасль права. Их совпадение — случайное явление. В большем своем временном интервале они находятся в различных состояниях — по объему, методам, механизмам и другим систематизирующим факторам. Поэтому отрасль

права как идеальное явление нужно считать чисто теоретической конструкцией, имеющей наряду с общепознавательным также и ориентировочное значение. Другая ситуация относительно отрасли законодательства. Нарботка огромного массива нормативного материала — свершившийся факт. В этой ситуации, очевидно, надо согласиться с утверждением И. Сабо и Л. С. Явича о том, что систему права нельзя строить по самому искусному плану, задача заключается в уяснении закономерностей ее развития [8, с. 371; 14, с. 93]. Вместе с тем при комплексном характере большинства новейших законов отраслевая их принадлежность несомненна, но говорить, что идет процесс создания отраслей права, неправомерно. В этих условиях идет речь о «строительстве» фундаментальных основ отраслей законодательства. Однако при этом нужно выяснить, по каким же правилам должна определяться эта деятельность, для чего следует избрать определенные методологические средства, вооружившись которыми можно получить окончательный ответ на поставленный вопрос.

А. В. Мицкевич обратил внимание на то, что комплексные сферы законодательства также имеют свой предмет, область регулируемых ими отношений [7, с. 20—21]. Такая позиция отвергает иное утверждение Иоффе О. С. и Шаргородского М. Д., что комплексные отрасли являются результатом систематики законодательства, не более [3, с. 362, 363]. В чем здесь сущность, есть ли здесь рациональные зерна? Суть, очевидно, состоит в том, что, действительно, к единичному, обособленному комплексному акту допустимо применение положений О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского. Но как только мы говорим об актах, регламентирующих комплексные сферы деятельности, допустимо использование утверждения Мицкевича А. В.

Под влиянием данных обстоятельств в правовой науке стала складываться позиция, отражающая практику законодательства. Речь идет о расслоении права и его дифференциации, реализуемой в нынешней законодательной деятельности. Концепции специализации и унификации законодательства в полной мере внедряются в законодательстве [1, с. 52—54; 9, с. 20—27]. Речь идет о формах и методах реализации данного процесса в законодательстве Украины. Возможны несколько направлений работы. Речь идет, во-первых, о текущем законодательстве в порядке решения вопросов, постоянно возникающих в деятельности государства, во-вторых, о подготовке и принятии комплексных актов, регулирующих значимые направления государственной и хозяйственной деятельности, в-третьих, — о принятии кодифицированных актов. Практика в полной мере использует все эти три направления. Но в ходе законодательства имеют место значительные объемы излишеств: дублирование, частные переработки, постоянные возвра-

ты к одной и той же проблеме. Все это объясняется одним — новое законодательство само по себе достаточно низкого качества. Возникает вопрос: как этого избежать, как оптимизировать эту деятельность, особенно в использовании третьего направления, так как было принято считать, что оно наиболее эффективное? Сложилось широко распространенное утверждение, которое воспринималось априорно, о том, что весьма удобно иметь кодифицированный акт. Правда, всегда подчеркивалось, что для этого необходимы определенные условия, в частности, наработка значительного объема нормативных актов. Тем не менее сейчас стоит более пристально оценить сложившуюся систему кодификации.

Существующие нынешние кодексы постоянно изменялись, дополнялись, происходили серьезные уточнения их содержания. В этом и заключается главный недостаток системы кодификации. В новых условиях изменяются все виды общественных правоотношений. Учесть и урегулировать их единоразово практически невозможно. Поэтому говорить сейчас о формировании кодифицированных актов вряд ли правомерно. Негативный опыт последних лет дает повод для серьезных раздумий. К примеру, Земельный кодекс Украины в течение практически полутора лет принимался дважды. К тому же и последний вариант нельзя считать оптимальным. Что касается Таможенного и Арбитражно-процессуального кодексов, то они оказались настолько несовершенными и ограниченными, что постоянно нуждаются в дополнениях, согласованиях и уточнениях. Кроме того, известно, что кодексы «обрастают» непомерным количеством подзаконных актов, которые в некоторых случаях вообще «опрокидывают» сам закон. В условиях, когда законотворчество стало повседневным явлением, такой подход в формировании структуры права нужно рассматривать как недостаточно эффективный, хотя и допустимый.

Известно, что в советской системе права сложилось два основных направления систематизации законодательства — кодификация и инкорпорация с известными формами, принципами и методами [10, с. 11—30]. Представляется, что наше понимание кодификации является чрезвычайно узким и потому нуждается в дальнейшем углублении и преобразовании. Речь идет о том, что форму кодифицированного акта может приобретать не только кодекс, но и Свод — кодифицированный акт по соответствующей отрасли законодательства. Естественно, речь идет о своде как целостной системе, высшем этапе кодификации. Практика развитых индустриальных стран пошла именно по такому пути. Давно было подмечено, что «для современной практики капиталистических стран характерно антикодификационное направление» [8, с. 185]. Правда, сам этот анализ был чрезмерно политизирован, а утверждение сторонников социалистической системы права в значитель-

ной мере абсолютизировано. К тому же это утверждение исключительно касалось только такого вида систематизации, как кодекс. Другие исследователи отмечали, что кодификация как таковая ведет к потере правом необходимой ему динамичности [5, с. 4]. В таких утверждениях была доля истины, ибо они отражают действительную практику законотворчества. Однако в самом подходе вряд ли можно было усмотреть негативные черты, а тем более осуждать их. Скорее всего речь шла о своеобразном способе упорядочения огромных массивов законодательства. В этих условиях следует не абсолютизировать этот опыт, а учесть его положительные черты. Целесообразно использовать и практику российского правотворчества [12, с. 397—466, 335—340].

Следовательно, правовая структура Украины — это сложившаяся система законодательства, к которой непосредственным образом примыкают иные правовые нормы. В этих условиях наиболее оптимальным путем унификации действующего законодательства могло бы стать формирование Сводов законодательства Украины по соответствующим отраслям законодательства.

Список литературы: 1. Алексеев С. С. Структура советского права.— М.: Юрид. лит., 1975. 2. Дмитриев Ф. Д. Сочинения. Т. 2—М., 1900. 3. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права.— М.: Юрид. лит., 1961. 4. Коцюба О. П. Проблеми формування правової системи законодавства України // Правова система України: теорія і практика.— Київ, 1993. 5. Сов. гос-во и право.—1982.—№ 8. 6. Кулагин М. И. Гражданские и торговые кодексы в системе источников буржуазного права //Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. норм. актов: Гражданские и торговые кодексы.—М., 1986. 7. Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства //Уч. зап. ВНИИСЗ.— Вып. 11.— М., 1967. 8. Сабо И. Социалистическое право.— М.: «Прогресс», 1964. 9. Сенякин И. Н. Проблемы специализации и унификации российского законодательства //Гос-во и право.— 1993.— № 5. 10. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства //Под. ред. Братуся С. Н. и Самощенко И. С.— М.: Юрид. лит., 1962 г. 11. Шебанов И. Ф. Система законодательства как научная основа кодификации //Сов. гос-во и право.— 1971.— № 12. 12. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права.— Казань, 1902. 13. Юдин В. Г. Методологические проблемы исследования самоорганизующихся систем //Пробл. методологии системного исследования.— М., 1970. 14. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования общественных отношений.— М.: Госюриздат, 1961.

С. И. Максимов, канд. филос. наук

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

Введение в контекст методологических и мировоззренческих проблем правоведения категории «правовая реальность» позволяет рассматривать право не просто в качестве надстрочечного явления, живущего лишь отраженной жизнью экономической струк-